

ЦЕНЗУРА И ОГРАНИЧЕНИЕ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ПОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ В РОССИЙСКИХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ В 1865–1890-Х ГГ

Евгений Луферчик
Минск, Беларусь

Статья раскрывает действия российского правительства по цензурированию и регламентации освещения польского вопроса в периодических изданиях. На основе широкого круга архивных источников автор доказывает дифференциацию общественного мнения в оценке польского вопроса и предлагаемой стратегии его решения. Автор подчеркивает роль русских журналов в формировании патриотических воззрений и складывании негативных имагологических стереотипов о поляках и их государственности.

Ключевые слова: польский вопрос, цензура, русские журналы

Польский вопрос заключался в стремлении поляков возродить свою государственность и достичь национально-политическую независимость. В Российской империи он включал в себя три взаимосвязанные проблемы. Прежде всего польский вопрос связывался с влиянием поляков на процесс модернизации империи и формирование русской политической нации. Также он подразумевался под управлением местностями с польским населением и территориями, присоединенными от Речи Посполитой с восточнославянским населением. Наконец, в содержании польского вопроса выделалась проблема влияния внешнеполитических факторов на внутреннюю политику России в отношении поляков и их государственности.

Периодическая печать обратила пристальное внимание на польский вопрос в начале 1860-х гг. До волнений на западной периферии империи и последовавшего восстания он не являлся злободневным, хотя и присутствовал в общественном дискурсе. Политические журналы отмечали, что события восстания 1863–1864 гг. отодвинули на задний план другие проблемы и сделали польский вопрос самой острой политической темой [1, с. 347; 4, с. 1; 9, с. 31]. События начала 1860-х гг. актуализировали не только польскую проблематику, но также спровоцировали конструирование национального дискурса. Исследователи отмечают, что это время стало своеобразным рубежом в развитии общественной мысли, побудило активное обсуждение национального вопроса и в правительственных кругах, и на страницах общественной печати [6, с. 10–11]. Актуальность польского вопроса в России сохранялась на протяжении второй половины XIX – начала XX в.

Острота политической дискуссии и деликатность событий на западной периферии империи предопределили тесную связь журналистского освещения польского вопроса с общим положением и административным регулированием периодической печати. Власти стремились использовать органы печати для воздействия на общественное мнения и складывания патриотических воззрений и интерпретаций. Весной 1863 г. журнал «Русская мысль» замечал, что польский вопрос стал «щекотливым делом» для русского печатного слова [3, с. 4]. В целом, в период восстания 1863–1864 гг. он оказал существенное влияние на практику применения законодательно установленных норм и цензурирование органов печати, а также способствовал изменению политики в области печати и подготовке цензурной реформы 1865 г. [8, с. 98].

Новый этап развития печати и практики цензурирования изданий был связан с принятием в 1865 г. закона «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» [11, 396; 13, с. 397–406]. Согласно закону, наряду с предварительной цензурой, функции которой определялись по-прежнему Уставом 1828 г. и Временными правилами 1862 г., для ряда изданий вводилась карательная цензура. Министр внутренних дел наделялся властью давать разрешения на издание газет и журналов и освобождать периодические издания от предварительной цензуры. Устанавливалась судебная ответственность редакций за содержание изданий. Также вводилась система министерских предостережений – после третьего предостережения выпуск издания мог быть прекращен на срок до восьми месяцев.

Несмотря на прогрессивный характер нововведений 1865 г., анализ их применения свидетельствует, что последующие цензурные новеллы были направлены на ограничение действия этого закона: они сужали границы гласности, расширяли комплекс экономических мер воздействия на печать, изымали дела о печати из ведения суда и передавали их в полное распоряжение администрации. В 1882 г. в законодательном порядке была ликвидирована сущность правил 1865 г. – нивелировано значение судебной ответственности за нарушение закона. Правительство старалось регулировать численность и направление периодической печати, используя различные рычаги давления на печать. Полиция пристально следила за составом редакций [15, С. 25–26, 57]. В 1879 г. генерал-губернаторы получили особые права «для охранения порядка и

общественного спокойствия», в том числе право приостанавливать или вовсе запрещать периодические издания, направление которых они признавали вредным [12, С. 289–299].

После убийства Александра II 1 марта 1881 г. надзор за печатью еще больше усилился. Власти считали необходимым усилить систему административных взысканий. В 1882 г. были приняты очередные Временные правила о периодической печати [10, С. 390–391]. Новый закон предписывал периодическим изданиям, возобновленным после временной приостановки, предоставлять каждый номер в цензуру не позднее 23:00. «Совещание четырех министров» (внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурора Синода) получило право накладывать административные взыскания и лишать редакторов и издателей возможности когда-либо в будущем заниматься редакторской или издательской деятельностью.

Внимание цензурных ведомств к освещению польского вопроса не рассеялось и после подавления восстания 1863–1864 гг. Цензура применяла весь арсенал инструментов воздействия. Особенно выделялись наказания за «неправильное», с точки зрения правительства, освещения польского вопроса. Так, одной из причин вынесения предостережения газете «Голос» в 1865 г. была неправильная интерпретация истории польской политики Екатерины II «с очевидною целью возбудить безусловное сочувствие к лицам, противодействовавшим правительству (во время восстания 1863–1864 гг., – Е.Л.)». В этом же году журнал «Современник» получил предостережение за «неприличные суждения о значении православия [...], глумление над [...] государственным устройством и над отношениями народа к правительственной власти» в польских землях [15, с. 63].

Либеральный характер интерпретации польского вопроса в «Вестнике Европы» в 1870-х гг. также не мог не обратить на себя внимание цензуры. В достаточно богатой цензурной истории журнала этого десятилетия насчитывается несколько «польских эпизодов». Первый из них имел место в связи с публикацией статьи М.П. Драгоманова «Восточная политика Германии и обрусение». Совет Главного управления по делам печати усмотрел в ней «резкое осуждение принятого правительством образа действий в Царстве Польском и выставление в неблагоприятном свете элементов русского преобладания в этом крае» [цит. по: 7, с. 243].

Был случай, когда не публицистика, а малозначащее поэтическое произведение давало цензуре повод усомниться в лояльности журнала. Познакомившись с содержанием ноябрьской книжки за 1879 г., член Совета Главного управления по делам печати Ф.Ф. Веселаго обнаружил в поэме Н. Минского «Белые ночи» поразившую его картину. «Здесь описывается Польша или вообще Западный край, – докладывал он, – а заключительные строки, в которых обрисовывается картина народного восстания, могут навести читателя на мысль, что современное наше положение способно привести к подобному результату» [цит. по: 7, с. 243].

В конце 1878 г., в связи с просьбой издателя и редактора «Вестника Европы» М.М. Стасюлевича разрешить ему издавать еженедельную общественно-политическую газету, в Главном управлении по делам печати была подготовлена справка о направлении журнала. В документе отмечалось: «При всяком удобном случае журнал стремится выставить неудовлетворительность существующего устройства в России и преимущества представительного образа правления». «Подкладкой всему, – пишется в этом журнале, – служит какое-то высокомерное и презрительное отношение к русской народности и благоговение перед всем западноевропейским с тонким букетом полонизма» [цит. по: 7, с. 243–244].

Позже о направлении «Вестника Европы» судили в том числе и по публикациям, затрагивавшим польский вопрос. Например, публикация «Письма из провинции» в ноябрьской книжке 1882 г. заставила цензурный комитет обратиться в Главное управление по делам печати МВД. Цензоры отмечали, что хоть статья и была написана исходя из «добросовестного понимания дел в Польше и того тягостного положения, какое испытывает в Польском крае всякий истинно русский гражданин», тем не менее

она могла обострить общественное мнение и в России, и в Царстве Польском. Такой вывод цензуры основывался на том, что корреспонденция «Письмо из провинции» указывала «на невозможность преследования принципа русификации, как бесполезной меры, вносящей дезорганизацию и деморализацию в общество» [18, л. 30об., 33].

Статья с осуждением политики М.Н. Муравьева в январской книжке «Вестника Европы» в 1883 г. также вызвала неодобрение цензурных учреждений. Цензор В.М. Ведров указывал, что недопустимо критиковать «меры, принятые Муравьевым для подавления мятежа», так как они «были одобрены высшим правительством» [18, л. 35–37]. В 1898 г., в связи с открытием в Вильно памятника М.Н. Муравьеву, в журнале была опубликована ещё одна статья, дававшая оценку политике генерал-губернатора. По мнению цензора Пантелеева, эта статья умоляла значение и деятельность М.Н. Муравьева, «диссонантным» звучала «больно истинному русскому патриоту». Исходя из этого, статья была признана цензором «вполне неблагоприятной» [18, л. 212]. В целом, цензура всегда отмечала оппозиционный характер публикаций данного журнала по отношению к внутренней политике российского правительства [18, л. 222].

В 1882 г. цензурные учреждения запретили любое обсуждение в печати проведение курса лекций по польской словесности в Варшавском университете [19, л. 57].

В 1893 г. неудовольствие и запрет цензора Н.Е. Сецинского вызвала журнальная статья А. Владимирова «О положении православия в Северо-Западном крае». В статье автор обвинял в «неудовлетворительном положении православной церкви всю русскую народность во главе с местными гражданскими ведомствами и православным духовенством» [22, л. 2об.].

Цензура также отмечала «неодобрительное и предосудительное» направление подцензурного журнала «Северный вестник». Неодобрительную оценку в 1895 и 1896 гг. получила статья М. Урсина (псевдоним за которым скрылся поляк из Царства Польского) «Религиозно-политические идеалы польского общества» и ответное письмо на неё Л.Н. Толстого [17, л. 156–157; 16; 21].

Из майской книжки журнала «Северный вестник» в 1897 г. были исключены две страницы за сообщение сведений об отмене 5 % сбора с имений «лиц польского происхождения» в Северо-Западном крае. По мнению автора этих страниц, в регионе продолжали существовать стеснения, которые были причиной его «искусственного отчуждения» [20, л. 103, 104]. Сам номер журнала запрещён не был. А в декабрьской книжке 1897 г. в статье о русско-польских отношениях и католической церкви в Польше цензурой были вырезаны в общей сложности половина страниц [5, С. 72–74, 81–82].

В февральской и мартовской книжках 1898 г. журнала «Северный вестник» были помещены статьи «На окраинах. Привислинский край». В них редакция указывала на тяжелое положение польских губерний, критиковала действия правительства и отмечала важность удовлетворения «вполне гуманных пожеланий польской народности». За содержание этих статей изданию было вынесено первое предостережение [17, л. 259об., 261, 267об., 282–283об.]. В целом же, постоянные административные задержки тиража и цензурные взыскания привели к скорому закрытию журнала.

Таким образом, карательный характер цензурирования периодических изданий расширил в 1865–1890-х гг. возможности для дифференциации оценок польского вопроса и политики его решения. Редакции периодических изданий, предвидя возможные последствия, более внимательно и осторожно относились к содержанию своих публикаций. Вместе с тем, значительное количество вынесенных предостережений за «неправильное» освещение польского вопроса свидетельствует, что редакции умышленно шли на печать провокационного материала, стремились выразить свое понимание и предложить решение злободневной проблемы. Параллельно, ограничивая нормы цензурных правил 1862–1865 гг., правительство расширяло перечень возможных механизмов воздействия на периодику, стремилось сузить границы и возможности общественного обсуждения польского вопроса.

1. Внутреннее обозрение // Современник. – 1863. – № 4. – С. 345–374.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 215. Оп. 1. Д. 310.
3. Домашняя летопись // Русское слово. – 1863. – № 3. – С. 1–34.
4. Домашняя летопись // Русское слово. – 1863. – № 4. – С. 1–26.
5. Журналистика // Северный вестник. – 1897. – № 12. – Второй отдел. – С. 70–82.
6. Иванова, С. Обсуждение «польского вопроса» на страницах периодических изданий 60-х годов XIX века / С. Иванова // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego. – 2012. – № 1 (2). – С. 9–32.
7. Китаев, В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.) / В.А. Китаев. – Саратов : Из-во Саратов. ун-та, 2004. – 379 с.
8. Луферчик, Е.Г. Препятствуя стремлению «возбуждать умы и вселять в них недоверие»: русские журналы и цензура во время восстания 1863–1864 гг. / Е.Г. Луферчик // Славянский альманах 2017. Вып. 1–2 / Отв. ред. К.В. Никифоров. – М. : Индрик, 2017. – С. 94–99.
9. Наши окраины // Северный вестник. – 1890. – № 8. – Областной отдел. – С. 31–53.
10. О временных мерах относительно периодической печати. 27 апреля 1882 г. // Полное собрание законов Российской империи. – 3-е собр.: в 33 т. – СПб. : Тип. II Отделения, 1881–1913. – Т. 2. – 1886. – № 1072. – С. 390–391.
11. О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати. 6 апреля 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи. – 2-е собр. : в 55 т. – СПб. : Тип. II Отделения, 1825–1881. – Т. 40. – Отд. 1. – 1867. – № 41988. – С. 396.
12. О назначении временных генерал-губернаторов в городах Санкт-Петербурга, Харькова и Одессы и о предоставлении [...]. 5 апреля 1879 г. // Полное собрание законов Российской империи. – 2-е собр. : в 55 т. – СПб. : Тип. II Отделения, 1825–1881. – Т. 54. – Отд. 1. – 1881. – № 59476. – С. 298–299.
13. О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях. 6 апреля 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи. – 2-е собр. : в 55 т. – СПб. : Тип. II Отделения, 1825–1881. – Т. 40. Отд. 1. – 1867. – № 41988. – С. 397–406.
14. Очерки Привислянъ // Русское обозрение. – 1896. – № 10. – С. 814–856.
15. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий : Справочное издание / сост. и авт. вступ. ст. Н.Г. Патрушева ; ред. М.А. Бенина. – СПб. : Нестор-История, 2011. – 412 с.
16. Прозоров, А. Провинциальная печать / А. Прозоров // Северный вестник. – 1896. – № 2. – Второй отдел. – С. 8–25.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 776. Оп. 8. Д. 319. 316 л.
18. РГИА. – Ф. 777. Оп. 2. 1865. Д. 102Б.
19. РГИА. – Ф. 777. Оп. 3. 1882. Д. 26.
20. РГИА. – Ф. 777. Оп. 3. 1885. Д. 43Б.
21. Урсин, М. Религиозно-политические идеалы польского общества / М. Урсин // Северный вестник. – 1895. – № 7. – С. 36–54.
22. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). – Ф. 31. Оп. 2. Д. 294. – 68 л.